

Школьная администрация показала записи с камер наблюдения, и уверенность оппонентов сразу же пошатнулась наполовину. Когда они снова начали кричать о «недостатке доказательств», их голоса уже звучали неуверенно. Тао Сяодун холодно наблюдал за происходящим, не произнеся ни слова.

Как поступить в этой ситуации, школе предстояло обсудить внутри, а родители оппонентов спешили в больницу. Сегодня никакого результата не будет, и всем придётся разойтись по домам.

Учитель Лэй провожал Тао Сяодуна за ворота школы и сказал ему:

— Я буду следить за ситуацией в школе, не переживай.

— У Чи Ку вспыльчивый характер, его трудно сдержать, — Тао Сяодун нахмурился, взглянув на Чи Ку, и добавил:

— Наверное, будут проблемы.

— Они с Тао Хуайнанем близки, обычно так и бывает. Если Хуайнаня обижают, он не может просто стоять в стороне. — Чи Ку был лучшим учеником в классе, с хорошими оценками и примерным поведением, и даже без учёта личных отношений учитель относился к этому братству с теплотой. Ученики для учителя словно собственные дети, и она понизила голос:

— У нас есть правда, всё будет в порядке.

Тао Сяодун не беспокоился о правде или проблемах. Изначально он мог бы заставить школу исключить того плохого ученика, но теперь, после драки Чи Ку, им придётся смягчить свои требования. Всё это было неважно.

Что действительно злило Тао Сяодуна, так это то, что Чи Ку не знал меры в драке.

— Я тебе не говорил, что в драке нужно знать меру? — Тао Сяодун редко говорил с Чи Ку так холодно. Он обычно не сердился на детей, тем более что Чи Ку всегда был послушным и спокойным. Он продолжал ехать, нахмурившись:

— Драться — это нормально, мальчики все дерутся. Но ты схватил табуретку? Ты совсем не думаешь о последствиях?

Сначала Чи Ку молчал, но потом ответил:

— Он тоже не знал меры, когда бил Тао Хуайнаня.

— Ты сравниваешь себя с ним? — Тао Сяодун действительно разозлился, и его слова стали жёстче:

— Их было столько, а ты один бросился в бой? Если бы они отобрали у тебя табуретку и ударили тебя по голове, что бы ты делал? Из твоего черепа мозги бы вылетели.

— Я не бил его по голове, — Чи Ку смотрел в окно, отвечая глухим голосом.

— Ты не бил, а они? — Тао Сяодун открыл окно, чтобы проветрить машину, его желудок болел от злости. — В пылу драки они могли бы убить тебя, что бы ты тогда делал?

Чи Ку упрямо молчал.

— Ты возглавил драку, тебе совсем не страшно, что школа тебя исключит?

Чи Ку продолжал молчать, и Тао Сяодун, думая о характере этих двух братьев и их упрямстве, чувствовал, как у него начинает болеть голова.

— Ты вернулся весь в синяках, а я ещё не успел тебя отругать. Ты думаешь, что у твоего старшего брата совсем нет характера? — Тао Сяодун взглянул на него, и вид избитого Чи Ку только усилил его злость.

Чи Ку был не слишком разговорчивым, с детства он, возможно, говорил только с Тао Хуайнанем. Теперь, когда старший брат сердился на него, он не знал, что сказать.

Когда они вернулись домой, Тао Хуайнань сидел на диване, выпрямившись, и, услышав звук двери, подошёл, чтобы нащупать их. Тао Сяодун, не успевший остыть, бросил ключи на тумбочку, переобулся и пошёл мыть руки.

Даже не видя, Тао Хуайнань чутко почувствовал напряжённую атмосферу и тихо спросил Чи Ку:

— Что случилось?

Чи Ку ответил, что ничего.

Тао Хуайнань пошёл к Тао Сяодуну, потрогал его спину, и старший брат обернулся, чтобы посмотреть на него.

Тао Сяодун погладил его по спине и спросил:

— Что с тобой?

Взрослые злятся, и детям это не объяснишь. Тао Сяодун потрепал его по голове, растрепав волосы. Тао Хуайнань схватил его руку, прижал к щеке, и старший брат нежно ущипнул его за щеку.

Старший брат и Чи Ку молчали, и атмосфера в доме была напряжённой. Тао Хуайнань хотел сказать что-то, чтобы разрядить обстановку, но он не знал, что произошло, и не был уверен, не добавил ли он им проблем своими действиями.

Вечером Тао Хуайнань, завернувшись в старое одеяло, лежал под одним одеялом с Чи Ку, долго моргая, но так и не заснув. Чи Ку так и не рассказал, как он вернулся, и на вопросы Тао Хуайнаня он не отвечал. Сегодня, вернувшись, Чи Ку всё время молчал, а во время вечернего душа Тао Хуайнань слышал, как он несколько раз кашлял.

Тао Хуайнань протянул руку и мягко обнял Чи Ку.

Его рука была лёгкой, и это движение было похоже на то, как это делает маленькое животное.

— Старший брат, — Тао Хуайнань тихо позвал его в темноте.

Чи Ку ответил:

— Мм.

— Ты дрался? — Тао Хуайнань был чувствительным и много думал, в его голове уже сложилась

примерная картина.

Чи Ку не ответил.

Он не хотел говорить об этом, и Тао Хуайнань это чувствовал. Если он не хочет говорить, то пусть так и будет.

Почему-то с тех пор, как они разлучились, и до возвращения Чи Ку, Тао Хуайнань чувствовал, что его внутреннее состояние изменилось. Раньше он часто вёл себя как капризный ребёнок, любил, когда Чи Ку с ним ласково разговаривает, и не любил, когда он сердится. Теперь, после возвращения, Тао Хуайнань больше всего чувствовал себя спокойным, его сердце успокоилось. В этом спокойствии, каким бы ни было состояние Чи Ку, он чувствовал себя хорошо, и у него стало меньше запутанных и неприятных эмоций.

Тао Хуайнань придвинулся ближе к Чи Ку, слушая тихие звуки пижамы и одеяла, и почему-то ему стало немного стыдно.

Его дыхание, мягкое и тёплое, касалось руки Чи Ку, и, обнимая его, он явно чувствовал, что тот похудел.

— Как хорошо, что ты есть, — с детства Тао Хуайнань часто перед сном говорил такие слова, от которых не знаешь, как ответить. Он был сладким на язык и говорил всё, что думал.

Чи Ку лежал без движения, не отвечая.

Тао Хуайнаню и не нужно было, чтобы он отвечал. Он прижался лицом к плечу Чи Ку, ласково потираясь.

— Если бы не старший брат и не ты, я бы, наверное, не смог вырасти, — когда Тао Хуайнань говорил такие вещи, его голос был очень тихим, почти шёпотом. — Кажется, что без вас я бы не смог выжить.

Слова «не смог выжить» звучали неприятно, и Чи Ку нахмурился, предупредительно прошепел.

— Ты помнишь Сунь Ичжэ из школы для слепых? — Тао Хуайнань не обратил на это внимания, продолжая обнимать Чи Ку.

Чи Ку сказал, что помнит.

Это был слепой мальчик, который был на год старше их, хорошо учился и отлично играл на саксофоне. На каждом школьном концерте можно было услышать его игру.

Тао Хуайнань закрыл глаза, прижавшись лицом к Чи Ку, и тихо сказал:

— Он прыгнул с крыши, на Новый год.

Чи Ку с удивлением повернулся к Тао Хуайнаню.

Ресницы Тао Хуайнаня дрожали, и в голосе ребёнка была тень страха, когда он говорил об этом, обнимая Чи Ку ещё крепче:

— Он не мог слышать, и не мог видеть.

Чи Ку спросил:

— С какого этажа?

— С двенадцатого, — ответил Тао Хуайнань.

Чи Ку не знал, что сказать, поэтому просто молчал.

Тао Хуайнань слегка поднял лицо, в темноте обращаясь в сторону Чи Ку, и сказал:

— Иногда я думаю, почему это случилось с нами? Почему другие могут видеть, а мы нет.

В комнате был свет из окна, и, привыкнув к темноте, можно было хорошо разглядеть лицо Тао Хуайнаня. Оно почти не изменилось с детства, только стало более изящным, не таким круглым, как раньше. В детстве он часто плакал, и когда плакал, его веки и кончик носа краснели, что выглядело очень жалко. Теперь он плакал реже, но иногда всё же капризничал и проливал слёзы.

— Но потом я думаю, если бы я не был слепым, старший брат, возможно, не привёл бы тебя тогда домой, — рука Тао Хуайнаня сжимала край пижамы Чи Ку, слегка потирая его пальцами. — Тогда у меня не было бы тебя, ты бы всё время оставался дома, где тебя бил Чи Чжидэ. У меня не было бы старшего брата, а у тебя не было бы Тао Хуайнаня.

Чи Ку всё это время смотрел на него.

Тао Хуайнань снова опустил лицо, потираясь о плечо Чи Ку. Маленький слепой мальчик не видел, как выглядят другие, поэтому не считал, что в их возрасте быть так близко было неуместно, ведь они так выросли.

— Может быть, я слепой, чтобы иметь тебя? Каждый раз, когда я так думаю, я чувствую, что в слепоте есть свои плюсы. Хотя я и бесполезен, но я получил многое.

Запах молока снова достиг ноздрей, как будто ребёнок вырос в молочной ванне.

— Не дерись больше за меня, я боюсь, что ты будешь бить его, а он будет бить тебя, и это никогда не закончится.

Тао Хуайнань сделал большой круг, чтобы подойти к главному. Он сжимал край пижамы Чи Ку и тихо уговаривал:

— Я просто хочу вырасти с тобой, не хочу, чтобы тебя бил Чи Чжидэ, и не хочу, чтобы ты дрался.

Тао Хуайнань любил старшего брата и любил Чи Ку. Его сердце и мир были маленькими, и в них была только их маленькая семья.

Он сказал много сладких слов, и ночь, когда старший брат и Чи Ку были рядом, была такой спокойной.

Чи Ку обычно не отвечал на такие слова. Он просто взял лицо Тао Хуайнаня в руку, сжал его губы, чтобы они вытянулись, и сказал:

— Спи.